

Теодор Хедрик Нотт родился в жизни, овеянной традициями и властью. Его предки принадлежали к Первым семьям с обеих сторон, и его род оставался непрерывным почти столько же лет. Это была семья, погруженная во тьму, молившаяся темным божествам и понимавшая силу крови.

Они доказали, что выжили, пережив семь Темных Владык, трех Светлых Владык и бесчисленные войны. Они понимали, что сила зовёт всех, и не были слепы к этому зову.

Гарри Джеймс Поттер был сиреной в какофонии шума.

Как и все старые чистокровные, род Теодора имел определённые наклонности. Помимо того, что в каждом поколении рождались сомнительные разумные люди, многие представители рода Нотт могли видеть ауры наряду с другими своими дарами - телекинезом и более редкими дарами теней, доставшимися им от предка-баньши.

На первом курсе он почувствовал силу, которой обладал Мальчик-Который-Выжил. На удивление, она была ниже средней, но ничего необычного, если не считать большого количества печатей на нём. Но постепенно сила Поттера росла по мере того, как ослабевали наложенные им самим на себя печати. В конце четвёртого курса многие из этих печатей разрушились, а на шестом их стало ещё больше. Даже на седьмом курсе некоторые печати разрушались по мере того, как Поттер узнавал, какой силой по праву крови он должен обладать. Поттер был необычен тем, что, хотя Теодор мог читать его силу, он не мог видеть его дары, что было трудно сделать для такого сильного читателя ауры, как он.

Это был человек, способный изменить ход войны.

Теодор Хедрик Нотт, названный так в честь своего отца, был совсем не таким. Старший Нотт-старший отдал свою жизнь Тёмному Лорду и провёл последние годы своей жизни на коленях перед безумцем. Когда старший Нотт присоединился к Тёмному Лорду, победа, по всей видимости, должна была достаться ему, и досталась бы, если бы не Мальчик-Который-Выжил. Но тогда всё было проще, война разгоралась так быстро, что среди самих волшебников не было больших разногласий, кроме Светлых и Тёмных. Война объединяла тех, кто выступал против Волдеморта, и пока шла война, преступления, совершённые во имя этих целей, закреплялись в памяти. За более чем дюжину лет раны затянулись, и теперь, когда разгоралась новая война, возникали фракции за фракциями. Лорд Морриган был не единственным человеком, который стремился создать фракцию, хотя, конечно, он был более успешен.

Теодор был наследником своей фамилии и в свой семнадцатый день рождения должен был стать полноправным лордом. Волдеморт хотел, чтобы Нотт снова был рядом с ним, Дамблдор искал еще одного Слизерина, который мог бы украсить его кабинет как доказавший свою эффективность реформатор, и даже Фадж оказывал на него давление, чтобы тот поддержал его кампанию, как когда-то его отец. Все трое хотели вылепить его, и он не собирался позволять им управлять собой.

Война была ужасной вещью; она была жестокой, слепой и разрушительной, и в конце концов война накладывала отпечаток на человека. На тех, кто остался в живых, всегда будет лежать тень мрачных времен, мысли о том, что могло бы быть, а могло бы и не быть. Первая война сильно затронула многих людей, и даже сейчас в Сент-Мунго дом бродячих душ с разбитыми глазами, навсегда застрявших в жестоком времени. Если ты не был осторожен, война уничтожала тебя.

Теодор боялся, что война разрушит его душу. Он был так же хитер, как и любой другой Слизерин, но на этом сходство между ним и покойным Ноттом заканчивалось. Его отец был из тех, кто жаждал крови и боли, что всегда не давало покоя его сыну. Он погубит себя, если пойдет по пути отца. Тёмный Лорд уничтожит его, если он оскорбит его, встав на сторону Дамблдора и всех остальных, кто стремится уничтожить Фаджа.

У него не было никаких глупых идеалистических представлений об этой войне. Выживание было превыше всего, но он не собирался мириться с испорченным существованием. Он никогда не согласится на жизнь на коленях. Именно такое отношение убило его отца.

Возможно, его мать была права, и он действительно был до ужаса похож на своего прапрадедушку с Гриффиндора. Слизеринское сознание не хотело проводить сравнений. Ему было неприятно это делать.

S

Олливандер был известным мастером по изготовлению волшебных палочек. Его семья оттачивала ремесло до тех пор, пока не добилась идеального баланса между стабилизирующим деревом и магической сердцевинкой. К сожалению, он также был абсолютно легален, если не находился уже в чьём-то кармане. Гарри подозревал, что Олливандера и Дамблдора связывают не только деловые отношения. Просто чертовски удобно, что никто и не подумал упомянуть ему о Приори Инкантиатем, о чём не подумал даже Олливандер, а Дамблдор, не имевший никакого отношения к волшебным палочкам, с готовностью это сделал.

Дискретных мастеров по изготовлению палочек было трудно найти. И дело не в том, что профессия была дефицитной. За менее честными изготовителями палочек постоянно охотилось председательствующее правительство, и поэтому они работали в основном только по рекомендации из уст в уста. Даже Амосу было трудно найти такого мастера, а этот человек был замешан в большем количестве теневых сделок, чем отряд Слизерина, который только может надеяться увидеть за свою жизнь.

Не зря же он был старейшиной Калигой.

Джованни Верти был владельцем магазина, специализировавшегося на всякой всячине. Никто не мог точно сказать, что именно продает Верти, и тем более не знал, какой профессии его научил один эксцентричный дядюшка. Более десяти лет Верти продавал нелегальные и легальные палочки элитной клиентуре. Договориться с этим человеком было сложнее, чем с Гарри и Снейпом. Но все возможно, когда на твоей стороне тысячетный вампир.

Рю де ла Рейн Блан. В пятидесяти милях к юго-востоку от Ниццы, в районе французских волшебников, находился ряд причудливых магазинчиков, похожих на Аллею Диагоналей. Верти поселился во Франции после того, как в его родной Италии все стало слишком личным. По крайней мере, так утверждал Амос, которому удалось получить информацию от одного из своих детей, обращённых в вампира.

В магазине было прохладно и темно, слабо пахло сырыми рукописями и резкими благовониями. Верти был тем, кого многие назвали бы смуглым человеком, хотя цвет его кожи был бледным. От него исходила аура, которая говорила о тайнах и еще больших тайнах. Но в остальном Верти был достаточно приятным человеком.

"Месье?" - позвал Верти из-за верстака, где он возился со шкатулкой, похожей на балерину.

" Парле вуз англе?"

" Оуи... эээ... да, конечно". Улыбка была достаточно любезной, но она не полностью скрыла подозрительный взгляд Верти, направленный на Гарри.

"Мне порекомендовал ваш магазин один друг, который сказал, что вы можете помочь мне с довольно необычной вещью".

"Месье, у меня очень много вещей".

"Да, но я думаю, что этот предмет придется делать на заказ".

Дружелюбие Верти мгновенно исчезло. Острые глаза настороженно следили за Гарри. Насколько он знал, Гарри был разведчиком французских авроров.

"О? Кто вам меня порекомендовал?" Гарри не заметил, как рука Верти с палочкой исчезла под складками его веревки.

"Старейшина Амос Калига из клана Калига, сир Бо Вотур".

"Мадемуазель Во? Как поживает ее ребенок?" Выражение лица Верти не изменилось. Гарри не мог не восхититься его маской. Настоящая маска Слизерина.

"Она не больше мадемуазель, чем я. И мне жаль любого ребенка, которого она родит, потому что Бо поклялась, что станет матерью сразу после того, как отдаст себя Охотникам".

"В кругах Охотников на ее шее висит неплохой приз".

"Ей не следовало бы доводить их до такой степени. Ее сир не раз говорил ей, что Охотники будут игнорировать вампиров любого клана, если те не будут упорствовать в проникновении в их возвышенную Сторожевую Башню".

Призрак улыбки расцвел на бледном лице Верти, прежде чем острые черные глаза вернулись к обсуждаемому вопросу. До этого момента Гарри оставался в двух метрах перед Верти в расслабленной позе, не скрывающей готовых к работе мышц.

"Моя мастерская находится за городом". Вытащив потрепанное перо, он быстро набросал записку и передал ее Гарри. "Запомни, а потом сожги".

Мастерская Джованни Верти находится по адресу: Le rue de la reine blanc, 56, в задней комнате.

Положив записку на свечу, горевшую на одном из многочисленных столов в мастерской, Гарри сосредоточился на словах, и, как и ожидалось, между полкой с бесчисленными подозрительного вида банками и полкой с ржавыми топорами всех размеров выросла дверь.

"Умно." с удовлетворением пробормотал Гарри. Чары Фиделюса были чрезвычайно полезны, но их было нелегко наложить. Обычному волшебнику не под силу наложить их на шкаф, не говоря уже о комнате. Хотя Гарри всё ещё оставался ублюдком, он не мог не восхищаться Дамблдором за то, что тот наложил чары на Гриммальд Плейс. В его книгах говорилось, что наложение чар - это скорее вопрос воли, чем силы. При наложении чар Фиделюса волшебник должен был "распространить" свою волю на это место, чтобы запечатать его магией. Это также было основной причиной того, что чары были столь малоизвестны. Слишком многие волшебники не справлялись с магией, и в итоге возникала неприятная обратная реакция.